

УДК 82.091

«ПАРТИЗАНСКАЯ ТАКТИКА» ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ.

ЧАСТЬ I: С. Н. ГЛИНКА, Д. В. ДАВЫДОВ

Орехов В. В.

*Институт филологии (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
E-mail: v-orehov@mail.ru*

В статье рассматривается роль издателя журнала «Русский Вестник» С. Н. Глинки и легендарного поэта-партизана Д. В. Давыдова в информационной войне, которая развернулась между Россией и Францией в эпоху Наполеона и разгорелась с новой силой после Французской революции 1830 г. и Польского восстания 1830–1831 гг. Оба литератора не принадлежали к официальным органам пропаганды и самостоятельно принимали решения о направлении и тактике своей деятельности по защите национального престижа. Эти решения во многом согласовались с той исторической логикой, которая обусловила тактику партизанской борьбы в период Отечественной войны 1812 г. Анализ творческих поисков С. Н. Глинки и Д. В. Давыдова позволяет заключить, что участие в информационной войне патриотически мотивированной творческой личности, не подчиненной официальным пропагандистским структурам, дает ряд преимуществ: большее читательское доверие к информации, более широкий горизонт творческих новаций и, как следствие, более оригинальный набор приемов воздействия на свою и чужую аудиторию.

Ключевые слова: имагология, информационная война, 1812, С. Н. Глинка, Д. В. Давыдов.

ВВЕДЕНИЕ

Хотя термин «информационная война» изобретен в XX веке, сам феномен уходит корнями в глубокое прошлое. Некоторые исследователи обнаруживают элементы «информационной борьбы» еще в античном мире [3, с. 9–30; 24, с. 10–11], однако вид, наиболее близкий к современному, информационная война приобрела лишь в эпоху Наполеона. Во время Итальянской кампании 1786–1787 гг. Наполеон успешно использовал печатные издания, чтобы, с одной стороны, поддержать моральное состояние собственных войск, а с другой – расположить к французам население завоеванных территорий [40, с. 65]. Информационное воздействие было спланированным, четко организованным и двунаправленным – ориентированным и на *свою*, и на *чужую* аудиторию. Став консулом, а потом императором, Наполеон превратил эти принципы в основу информационной политики. Полностью подчинив себе печатную сферу Франции и значительной части Европы [38, с. 125], он получил возможность формировать общественное мнение внутри государства и в захваченных странах, а кроме того, оказывать информационное воздействие на непокоренные пока державы.

Россия не сразу включилась в противоборство с наполеоновской пропагандой. До вступления страны в Третью антифранцузскую коалицию (1804 г.) российская печать безвозбранно предлагала публике переводы пропагандистских сочинений о «подвигах» Наполеона [26, с. 163]. Однако военное противостояние с Францией заставило искать способы информационной обороны. По предложению главы российского МИД

А. Е. Чарторыйского, был предпринят ряд мер: издавались брошюры, развенчивающие культ Наполеона; в войсках распространялись листовки; для воздействия на европейского читателя была открыта франкоязычная газета «Journal de Nord» [3, с. 173]. Последовавшие затем военные поражения принудили Россию заключить невыгодный во многих отношениях Тильзитский мирный договор. Взаимные печатные нападки между Россией и Францией были прекращены подобно тому, как были прекращены боевые действия. Такая управляемость информационной среды демонстрирует, что «печатная война» воспринималась как вспомогательное средство войны реальной, а работа официальной пропаганды организовывалась аналогично армейской или государственной службе. Между тем в обществе формировалось иное отношение к противодействию информационным атакам: защита национальных интересов, подверженных нападкам в информационной среде, воспринималась в качестве гражданского долга, требующего индивидуальной инициативы и оправдывающего «внесистемную» деятельность. Это, в свою очередь, способствовало поиску индивидуальных тактических приемов, ставших со временем важной частью национального арсенала средств, используемых русской словесностью и печатью как ответ на информационные вызовы. Цель нашей статьи – исследовать ряд тактических решений подобного рода, выработанных известными русскими литераторами первой половины XIX в.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

После подписания Тильзитского договора российскому правительству стало довольно сложно удерживать «печатную жизнь» в рамках казенного повиновения. Тильзитский мир был воспринят как факт национального унижения. Накал патриотических настроений достиг такого градуса, что вызывал опасения в возможности антиправительственных заговоров [39, с. 129–131; 2, с. 48–51]. В такой обстановке в 1808 г. уже известный в то время литератор С. Н. Глинка начинает издавать журнал патриотической направленности «Русский Вестник», который быстро превратился в одно из самых популярных изданий. Целью «Русского Вестника» было противодействие французскому влиянию, а потому страницы журнала заполнялись материалами, посвященными критике галломании, французских устоев и нравов. По выражению современного исследователя, «с началом издания “Русского вестника” была объявлена литературная война Наполеону» [45, с. 111]. Появление журнала не было инспирировано властью, однако цензура, что называется, смотрела сквозь пальцы на антифранцузские высказывания, поскольку тильзитская «дружба» Александра I с Наполеоном быстро деградировала: это предвещало близость очередного военного кризиса, что, в свою очередь, требовало сохранять патриотический настрой общества. Видимо, инициатива С. Н. Глинки воспринималась властью так же, как деятельность ополчения в пору военных действий (кстати, Глинка в 1907 г. среди первых записался в ополчение) – это вспомогательная сила, мотивированная патриотическим чувством, но строго подчиненная военному командованию. Однако если продолжать армейские аналогии, издатель «Русского Вестника» готов был действовать вне рамок официальной позиции [44, с. 11] и принимать самочинные решения в духе не столько ополчения, сколько стихийно сложившегося партизанского подразделения. Так, уже в третьем номере журнала Глинка назвал Тильзитский договор лишь временным перемирием и объявил о

готовности России дать отпор в случае французской агрессии [23, с. 176]. Это высказывание имело такой резонанс, что французский посланник А. де Коленкур обратился с жалобой к Александру I. Получалось так, что «Русский Вестник» вопреки «политической линии» нарушил затишье в информационной войне. За это последовало взыскание: цензор получил выговор, а сам Глинка был «по политическим соображениям» отставлен от службы в московском театре [22, с. 66]. Но журнал был сохранен, видимо, как важный ресурс для будущих «информационных баталий», неизбежность которых ощущалась и обществом, и властью.

Действительно, затишье на «печатном фронте» оказалось недолгим. Уже в 1811 г. французская пресса начала атаки на Россию. Если русскую кампанию Наполеона, начавшуюся в 1812 г., исследователи воспринимают как «преддверие мировых войн XX в.» [36, с. 6], то и развернутую Наполеоном накануне вторжения в Россию полномасштабную «войну перьев» справедливо считать прообразом современных информационных войн. Одной из главных задач такой войны, как и в наши дни, было нанесение ущерба международному имиджу страны [15, с. 69]. Для этого оживлялись и транслировались на всю Европу старые стереотипы. Еще в пору Итальянского похода Суворова французская пресса рисовала Россию «полуварварской» страной, «грозящей вот-вот выплеснуть свои орды на плодородные земли Европы» [27, с. 135]. Теперь, накануне вторжения Наполеона в Россию, французские газеты и пропагандистские брошюры многократно повторяли эту мысль, широко распространяя [34, с. 4] и цементируя в европейском сознании пугающие стереотипы. Русские представляли «потомками монголо-татар» [8, с. 275], «варварами», жаждущими завоеваний [40, с. 66]. Такая позиция прессы была продиктована стремлением не только пробудить воинственное настроение во Франции, но и консолидировать союзников Наполеона вокруг идеи борьбы «цивилизации» против «московитского варварства» [1, с. 25], против «орды, которой нужно противостоять всем европейцам» [16, с. 184]. Наполеон при этом представлял вождем эпохальной схватки [42, с. 77–78]. Для создания негативного образа России в ход шли все доступные аргументы: суровость ее климата, жестокость русских солдат, «азиатский деспотизм» ее правителей, «рабское положение» ее крестьян и т. д. Дезинформация приобретала ключевое значение. В 1812 г. Наполеон лично редактировал для публикации [25 с. 172–176] фальшивое «Завещание Петра I». Из этого «документа» следовало, что Петр I призывал своих потомков тайным образом разобщать европейские державы, а добившись раздора, овладеть Турцией и Индией, полностью «поработить» Австрию и Польшу. Дабы русские войска не теряли «боевого настроения», Петр I якобы завещал потомкам вести непрерывные войны [18, с. 78–80]. Так что вся послепетровская история войн и дипломатии в Европе представляла «как результат тайного плана российского монарха по захвату господства над европейским континентом» [27, с. 134], то есть развивался миф, который в наши дни, маркирован «хэштегом» «хитрый план русских». Страхи, вызванные подобного рода публикациями, оказались крайне живучи. Например, участник похода на Москву Стендаль еще и в 1818 г. в книге «Жизнь Наполеона» с уверенностью утверждал, что «со времени Петра Великого Россия твердо решила, что в 1819 году, если только у нее хватит энергии, она будет владычицей Европы» [35, с. 134]. Словом, готовя вторжение в Россию, Наполеон в течение 1811 – первой половины 1812 гг. целенаправленно и систематически прививал читателю мысль, что «война с Россией неизбежна, поэтому воевать с ней лучше сейчас, пока она не набрала

всей своей силы и пока французской армией руководят блестящие полководцы во главе с самим императором» [33].

В России, конечно, сознавали, что поведение французской печати является «информационной артподготовкой» перед началом настоящей войны. В январе 1812 г. Барклай-де-Толли докладывал Александру I о своем видении стратегии в будущей кампании против Наполеона. Важным пунктом значилась необходимость в «возбуждении антинаполеоновских настроений в Европе средствами печатной пропаганды», а также в поддержании с помощью печатного слова морального настроения собственных солдат [3, с. 174]. Конкретные организационные шаги в этом направлении были предприняты, что называется, «по инициативе снизу»: профессора Дерптского университета А. С. Кайсаров и Ф. Э. Рамбах предложили создать в армии полевую типографию, которая выполняла бы пропагандистско-агитационные функции и воздействовала на «мнения народа» как внутри армии, так и на захваченных Наполеоном землях [3, с. 175–177]. Работа велась спешно, и к моменту вторжения французов русская армия уже обладала «информационно-агитационным» подразделением, которое путем массового издания печатных материалов противодействовало наполеоновской пропаганде [37, с. 303–305]. Так что действие агитационных листовок, заброшенных в Россию французами перед вторжением [32, с. 102], очень скоро парировалось работой русской армейской типографии. Насколько эффективной была эта деятельность, можно судить хотя бы по тому, что в самом начале войны Наполеон, получив в руки одну из русских прокламаций, решил лично подготовить ответ на нее – так называемый «Ответ французского гренадера» [17, с. 158].

Однако деятельность агитационной службы была «вмонтирована» в круг армейских задач и обязанностей, для нас же важно, что противостояние наполеоновской пропаганде осуществлялось еще и вне государственных структур, и важнейшую роль в этом деле продолжал играть журнал «Русский Вестник». Редакторская тактика С. Н. Глинки диктовалась самой природой информационной войны. Агрессивное воздействие на коллективное сознание противника ставит целью не переосмысление частных фактов, а тотальный демонтаж традиционной картины мира, переоценку привычных ценностей. Таким образом, истинный объект информационной атаки – не частные факты, а в целом «духовное единство нации, культурная оболочка противника, культурная идентичность» [43, с. 192]. Именно поэтому наполеоновская пропаганда оперировала не столько фактами (или даже псевдофактами), сколько мифологизированными обобщающими формулами («русское варварство», «азиатский деспотизм», «рабство», «отсталость», «жажда завоеваний» и т. д.), которые, внедряясь в сознание, перекраивали картину мира, бытующую в русском национальном сознании. В ответ на это С. Н. Глинка нацеливал свои усилия не на критику отдельных французских текстов, а на развенчание культа французской культуры в целом, и одновременно укреплял ценностные константы русского мировидения. Глинка противопоставлял французской пропагандистской мифологии собственную национальную мифологию, способствующую консолидации русского общества. Этим обусловлено обилие в «Русском Вестнике» материалов, прославляющих русских исторических деятелей, и в то же время – обличающих «пороки французов».

Так, в № 1 «Русского вестника» за 1811 г. помещены «Отрывки о внутренней промышленности и о сношении оной с нравственностью». Автор повествует, как царь

Алексей Михайлович отправил послов во Францию и «другие европейские области» для заключения торговых договоров. Материал призван проиллюстрировать экономические успехи допетровской России, однако автор считает необходимым заметить при этом: «Каким же образом европейские писатели восклицали: *До времени Петра Первого не было России!* Они в одном смысле правы: русские не были тогда покорены затеями *мод* и *роскоши* иноземной, от которых гибнет частное и общественное *домоводство*» [30, с. 40–41]. А вот еще один пример: публикация в «Русском вестнике» выдержек из книги Гюберта ле Бланка (Юбера ле Блана) «Петр Первый во Франции». Очевидно, что цель публикации – продемонстрировать незаурядность характера Петра I. Однако подбор фрагментов одновременно призван развенчать французов. Так, читаем: «Петр Первый, час от часу примечая более несообразностей в мыслях, нравах и поступках парижских жителей, говорил: “На что к слабостям моего народа прибавлять чужие слабости?.. Вижу, на земле нет совершенства! Отдаленное обольщает и обманывает разум”» [31, с. 2]. Публикатор текста еще и усиливает этот пассаж собственным комментарием: «Если бы иноземные путешественники, которые, подобно аббату Лашапу, мимоездом наблюдали Россию, держались сей истины, то они осторожнее бы умствовали о России» [31, с. 2].

Если в 1811 г. С. Н. Глинка опасался цензурных притеснений за слишком смелую критику французов, то после вторжения Наполеона он уже «не сдерживал своего натиска на “лживых и неверных” французов, которые обещали жить в мире, а сами “разбойнически ворвались в земли любезного нашего Отечества”» [22, с. 132]. Отношение власти к С. Н. Глинке быстро менялось. Если еще 11 июля 1812 г. его патриотический энтузиазм стал причиной полицейского надзора [7, с. 10], то уже 19 июля его деятельность удостоилась высочайшего одобрения и поддержки: С. Н. Глинка был награжден Орденом Св. Владимира. Характерны слова, сказанные при этом Глинке графом Ф. В. Ростопчиным: «Священным именем Государя Императора развязываю вам язык на все полезное для Отечества» [7, с. 28]. Тяжелое военное положение заставляло власть пересматривать отношение и к партизанским отрядам, и к «литературному партизану» С. Н. Глинке. Кстати скажем, что, по воспоминаниям современников, в 1812 г. в Москве С. Н. Глинка немало сделал для пропаганды партизанского движения [22, с. 127].

Проведя сравнительный анализ французских и российских пропагандистских текстов эпохи 1812 г., исследователь М. В. Губина убедительно доказывает, что противодействие российской власти и российского общества «выверенному и отточенному» «перу Наполеона» «повлекло за собой появление, хотя и менее цельного (нежели у французов. – *В. О.*), но зато более разнообразного по своим целям их арактеру, формальным и содержательным признакам комплекса документов» [9, с. 200]. Прибавим к этому, что общенародный характер Отечественной войны давал русской стороне еще одно преимущество в пропагандистских баталиях: это патриотическая мотивация, которая заставляла авторов воспринимать участие в «войне перьев» как гражданский долг, открывала возможности для личной инициативы и оправдывала «внесистемные» решения. В глазах современников защита отечества в информационной войне мало чем отличалась от защиты Отечества в реальных боевых баталиях. В этом отношении весьма точной выглядит метафора, использованная П. А. Вяземским в некрологе издателю «Русского Вестника»: «Перо Глинки первое на Руси начало перестреливаться с неприятелем. Он не заключал перемирия даже и в те роздыхи, когда Русские штыки отмыкались, уступая силе обстоятельств» [4, с. 7].

Впрочем, С. Н. Глинка был далеко не единственным литератором, переносившим приемы боевой тактики в сферу информационной войны. Не менее оригинальной и показательной в этом отношении выглядит публицистическая деятельность, пожалуй, наиболее известного партизана 1812 г. – Д. В. Давыдова.

«Как военный человек я все представляю себе в военном виде» [13, с. 233], – признавался в 1819 г. Давыдов своему близкому другу [41] П. Д. Киселеву (будущему генералу, министру, послу в Париже). Эти слова с полным основанием могут быть отнесены и к военно-исторической прозе поэта-партизана. После Французской кампании 1814 г. Давыдов получил отдых от активных боевых действий, что позволило ему сосредоточиться на осмыслении недавних военных событий. Результатом нескольких лет работы стал труд «Опыт теории партизанских действий», опубликованный в 1821 г. [10] и переизданный с поправками в 1822 г. [11]. Самостоятельность партизанского мышления сказалась в этой книге: Давыдов доказывал, что казачьи формирования представляют уникальное преимущество российских войск и должны быть использованы впредь так, как это делалось в 1812 г. Позиция автора вызвала недовольство власти, поскольку именно в этот период продвигалась реформа по включению казаков в состав регулярных войск. Рассуждения Давыдова настораживали так же, как в 1812 г. «простонародная партизанщина», и его книга была воспринята как «невнимание к армейской дисциплине и воспевание казачьей вольницы», а Александр I составил мнение о партизане как о «неблагонадежном лице» [20, 489–490].

Между тем литературная работа Давыдова неизбежно обращала внимание на иностранное освещение войны 1812 г. Здесь следует оговориться, что после победы над Наполеоном наступило некоторое информационное затишье, и механизмы пропаганды значительно потеряли в глазах власти свою актуальность. Между тем во французской печати появлялись такие интерпретации хода Отечественной войны, которые во многом вредили российскому престижу. В январе 1815 г. генерал-майор кн. С. Г. Волконский (будущий декабрист) сообщал из Парижа П. Д. Киселеву: «Я составляю здесь коллекцию из всех сочинений, которые уже созданы и которые создаются против нас и в защиту нас. Невообразимы все те басни, которые рассказывают о нас и, в особенности, о кампании 1812 года» [21, с. 210]. Начинался процесс, который мы сегодня называем «переписыванием истории», то есть толкование исторических фактов на основе не объективных, а политически или личностно обусловленных соображений – одно из проявлений латентного информационного противостояния. Д. В. Давыдов включился в это противостояние, когда известность приобрели мемуары Наполеона, где ссыльный император высказывал убеждение в слабой эффективности партизанских действий.

Ответом на это стала выпущенная в 1825 г. брошюра Д. В. Давыдова «Разбор трех статей, помещенных в записках Наполеона» [12]. Опираясь на целый ряд публикаций, Давыдов указал на явные искажения фактов. Но обратим внимание на стилистику. Во вступлении читаем: «Слова, падшие с такой высоты, не суть уже шипение раздраженной посредственности <...>. Это удары Юпитера <...>. Я один из обвиняемых. Честь вооружает меня против нареканий ужасных, сокрушительных, может быть, неотразимых» [12, с. 7]. Подчеркнутое уважение к оппоненту, обоснование дискуссии требованиями чести, некая высокопарность – во всем этом ощущается стремление соблюсти рыцарский тон. В завершение текста сходный пассаж: «Читатель решит, на чьей стороне правда, но во всяком случае, он, конечно, отдаст мне справедливость в том,

что, русский, я не забыл приличия и вежливости в выражениях, опровергая сказания того, коего память бесстыдно тревожима некоторыми соотечественниками <...>!» [12, с. 65]. Это напоминание о «русскости», подчеркнутое следование рыцарскому этикету, думается, – часть поведенческой тактики, усвоенной в военное время. В переписке с В. Скоттом Давыдов делился воспоминаниями, что в 1813 г. при наступлении русских войск по территории Европы он намеренно сохранил бороду и оригинальное «партизанское» одеяние, и пояснял это так: «Немцы, видя мой казачий наряд и слыша, что я говорю по-французски, получили выгодное понятие о русском образовании, которое проникло даже в народы, почитаемые ими до встречи со мною людоедами» [13, с. 100]. Полемизируя с Наполеоном, Давыдов демонстрировал рыцарскую учтивость «русского варвара». Но очевидна и другая подоплека. Как известно, в начале XIX в. партизанские действия воспринимались как отголосок «азиатского варварства», противоречащий цивилизованным правилам военного искусства. Причем эта точка зрения бытовала не только на Западе, но и в России. Реализация партизанской тактики в 1812 г. явилась следствием жизненно важной необходимости, а не заранее просчитанного стратегического плана. Давыдову приходилось доказывать, что действия партизан – не «пережиток азиатчины», а важный элемент военного искусства, партизаны – не шайки разбойников, а солдаты, обладающие высокими представлениями о воинской чести. Таким образом, рыцарский образ автора служил Давыдову дополнительным аргументом в защите престижа русского оружия. Привнесение воинских принципов в текст было отмечено современниками. В «Московском телеграфе» П. А. Вяземский рекомендовал брошюру Давыдова так: «Начав свои партизанские подвиги против Наполеона-завоевателя, автор <...> продолжает их против Наполеона-повествователя. Он ловит его в некоторых отступлениях от истины <...>» [6, с. 397]. Между прочим, благородная позиция Давыдова была оценена и во Франции. В 1828 г. журнал «Revue Encyclopédique», анализируя брошюру Давыдова, называл партизана автором «столь же беспристрастным, насколько и ревностным к славе своей страны»; отмечал, что Давыдов «сохранил все приличие и достоинство, какого можно было ожидать от человека <...>, который <...> сделался настолько же известным в обществе, как и на полях битвы» [13, с. 219–220].

В дальнейшем Давыдов принимал участие в военных действиях в Персии (1826) и Польше (1831), но в 1835 г. снова обратился к литературной защите российских интересов. Выступая против распространявшегося представления, что главной причиной поражения французской армии явился суровый климат России, а не русское оружие, Давыдов опубликовал в «Библиотеке для чтения» статью «Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году?».

После 1825 г., когда Давыдов вступал в полемику с мнением Наполеона, многое изменилось. В результате Французской революции 1830 г. и Польского восстания 1830–1831 гг. русско-французские отношения оказались в кризисе, во Франции началась затяжная информационная атака на Россию. Теперь разрушительные для российского имиджа мнения выражались не только в отдельных публикациях, а в тотальном настрое французской печати [28, с. 77–77]. В своих принципиальных основаниях информационная ситуация очень напоминала ту, что сложилась накануне вторжения Наполеона и стимулировала литературно-патриотическую деятельность С. Н. Глинки.

Д. В. Давыдов чувствовал трансформацию информационного фона, и в его новой статье в качестве оппонента теперь выступал не Наполеон, а «все враги России», которые «неутомимо хлопотали и хлопочут о рассеивании и укоренении в общем мнении этой

ложной причины торжества нашего» [14, с. 407–408]. То есть противник в споре обезличен – это коллективное мнение Запада (прежде всего, Франции), готовое передать ложные представления «потомству посредством книгопечатания» [14, с. 407]. Если повод для спора – не реплики Наполеона, а информационное «нашествие двенадцати языков», то это диктует иные требования к стилистике и авторскому образу Давыдова. Он входит в «каноническую» [29, с. 297] роль «певца-гусара», «поэта-партизана» – грубоватого, но отчаянно храброго, своевольного, но преданного Отечеству. «Автору-гусару» дозволено значительно больше, нежели «автору-рыцарю». Поэтому Д. В. Давыдов допускает выпады против «информационного неприятеля» в духе «Русского Вестника» 1811 г. Указывая причины, побуждающие Францию распространять миф о русских морозах, победивших Наполеона, Давыдов резюмирует: «Надутая двадцатилетними победами, завоеваниями и владычеством над европейскими государствами, могла ли Франция простить тому из них, которое <...> отстояло независимость свою <...>? Нации этой ли (французской. – В. О.), исполненной самолюбия и самохвальства, преследуемой порицаниями и <...> карикатурами и насмешками <...>, признаться в истинной причине несостоятельности своей <...>?» [14, с. 408]. Все это должно было напоминать читателю строки из широко известного давыдовского стихотворения «Песня» (1815 г.): «Пусть французишки гнилые // К нам пожалуют назад!..» [14, с. 46]; возродить представление об авторе как о «лихом рубаке» 1812 г. [19, с. 44–45].

В сходном стилистическом ключе Давыдов начал писать в 1836 г. статью «Мысли при известии о неудачном предприятии на Константину французских войск». Здесь «литератор-партизан» возмущенно обличал западную историографию и литературу в готовности прославлять «Наполеона и его маршалов за их военные подвиги, а за подобные же подвиги злословить русский народ, русскую армию»; указывал, что информационные атаки французов являются мстью России «за покорение Варшавы, Крыма» [13, с. 133]. Однако статья не была завершена. Почему?

Думается, для Давыдова к этому моменту стала очевидной необходимость изменения принципиального подхода к «информационной обороне»: поскольку частные опровержения ускользают из общественной памяти, то навязываемой извне картине мира следует противопоставить собственную национальную картину мира, *свою* интерпретацию истории. И Давыдов сосредоточивается на создании мемуаров. Воспоминания о военных действиях и русских военачальниках Давыдов начал публиковать в «Библиотеке для чтения» еще в 1834 г. В работе находился «Дневник партизанских действий 1812 года», начатый в 1814 г. и заверченный лишь в 1838. К мемуарному творчеству Давыдов снова же отнесся как к воинскому служению. Когда Пушкин предложил ему участвовать в «Современнике», Давыдов отвечал (6 апреля 1836 г.) в привычном стиле: «Рассчитывай на меня; я под твоим начальством лихо буду служить» [13, с. 217]. А когда вскоре цензура покромсала его статью «Занятие Дрездена», Давыдов воспринял это как бывалый боец. «Как бы то ни было, – писал он Пушкину о своей искалеченной статье, – но эскадрон мой, опрокинутый, растрепанный и изрубленный саблею прошу тебя привести в порядок; надо убитых похоронить, раненых отдать в лазарет, а с оставшимися всадниками “ура!” и снова в атаку!» [13, с. 222]

«Имя мое во всех войнах торчит, как казацкая пика» [13, с. 203], – писал Давыдов в 1835 г. Н. М. Языкову. Неизвестно, учитывал ли Давыдов при этом «печатную кампанию», которую он вел против информационного давления с Запада, но, думается,

он с полным основанием мог бы вписать эту «войну перьев» в свой послужной список. Во всяком случае, современниками Давыдов воспринимался в том числе и как литературный боец. Стихотворное обращение Вяземского к нему – «Ты саблю с лирой сочелал, / Двойным в двух ратях партизаном» [5, с. 401] – точно отражало умение Давыдова использовать воинские приемы в литературной борьбе.

ВЫВОДЫ

В целом публицистическая деятельность С. Н. Глинки и Д. В. Давыдова демонстрирует важные особенности использования в информационной войне «внесистемного» интеллектуального и творческого ресурса. Прежде всего, личность, находящаяся вне государственной пропагандистской машины, имеет мотивацию, в значительной степени свободную от карьерных и материальных интересов. Рождаемые в таких условиях тексты продиктованы искренним авторским убеждением, и это, как правило, повышает убеждающий эффект текстов. В глазах читателя «внесистемный» статус литератора сам по себе повышает авторитет текста, поскольку сигнализирует, что репутация автора и его точка зрения являются результатом естественного хода вещей, а не политической конъюнктуры. Кроме того, деятельность, не обремененная строгим императивом «сверху», обеспечивает автору широкое пространство для «творческого маневра», свободу интуитивных решений и возможность поиска оригинальной, нешаблонной тактики, что способно обеспечить дополнительные преимущества в информационном противостоянии систем.

Список литературы

1. Ададуров В. В. Война цивилизаций: Социокультурная история русского похода Наполеона. Т. 1: Религия – Язык [Текст] / В. В. Ададуров. – Киев: Лаурус, 2017. – 400 с.
2. Безотосный В. М. Россия и Европа в эпоху 1812 года. Стратегия и геополитика [Текст] / В. М. Безотосный. – М.: Вече, 2012. – 272 с.
3. Волконский Н. Л. История информационных войн. Ч. 1 [Текст] / Н. Л. Волконский. – СПб.: Полигон, 2003. – 508 с.
4. Вяземский П. А. Сергей Николаевич Глинка: [Некролог] [Текст] / П. А. Вяземский. – СПб.: Тип-я. Имп. Акад. наук, 1847. – 23 с.
5. Вяземский П. А. Стихотворения [Текст] / П. А. Вяземский. – Л.: Сов. писатель, 1986. – 544 с.
6. Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика [Текст] / П. А. Вяземский. – М.: Искусство, 1984. – 458 с.
7. Глинка С. Н. Записки о 1812 годе [Текст] / С. Н. Глинка. – СПб.: Тип-я Императорской Российской Академии, 1836. – 362 с.
8. Гнесь А. А. Имагология: отдавая должное подсознательным образам человека и мира [Текст] / А. А. Гнесь // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11. – № 2. – Ч. 2. – С. 272–283.
9. Губина М. В. «Война перьев» в 1812 году [Текст] / М. В. Губина // Французский ежегодник. – М., 2013. – С. 194–200.
10. Давыдов Д. В. Опыт теории партизанского действия [Текст] / Д. В. Давыдов. – М.: Тип-я С. Селивановскаго, 1821. – 217 с.

11. Давыдов Д. В. Опыт теории партизанского действия [Текст] / Д. В. Давыдов. – М.: Тип-я С. Селивановского, 1822. – 210 с.
12. Давыдов Д. В. Разбор трех статей, помещенных в записках Наполеона [Текст] / Д. В. Давыдов. – М.: Тип-я С. Селивановского, 1825. – 65 с.
13. Давыдов Д. В. Соч.: В 3-х тт. Т. 3. Проза. Письма [Текст] / Д. В. Давыдов. – СПб.: Изд-е Е. Евдокимова, 1893. – 253 с.
14. Давыдов Д. В. Сочинения [Текст] / Д. В. Давыдов. – М.: Худ. лит., 1962. – 612 с.
15. Ермакова Е. С. Информационная война как атрибут информационного общества: активизация медиафункции насилия над сознанием [Текст] / Е. С. Ермакова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 2. – С. 62–70.
16. Земцов В. Н. Россия глазами Наполеона [Текст] / В. Н. Земцов // Политическая лингвистика. – 2016. – № 4 (58). – С. 181–186.
17. Земцов В. Н. Французы в России в 1812 году [Текст] / В. Н. Земцов // Военно-историческая антропология. Ежегодник 2003/2004. Новые научные направления. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2005. – С. 154–164.
18. Козлов В. П. Тайны фальсификации. Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков [Текст] / В. П. Козлов. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 270 с.
19. Кошелев В. А. «Орлы двенадцатого года»: Реалии и мифология [Текст] / В. А. Кошелев // Реалии и легенды Отечественной войны 1812 года: Сб. научных статей. – СПб. – Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2012. – С. 29–45.
20. Кошчиенко И. В. К истории создания «Опыта теории партизанского действия» Д. В. Давыдова [Текст] / И. В. Кошчиенко // Реалии и легенды Отечественной войны 1812 года: Сб. науч. статей. – СПб. – Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2012. – С. 460–506.
21. К чести России. Из частной переписки 1812 года [Текст]. – М.: Современник, 1988. – 239 с.
22. Лупарева Н. Н. «Отечестволубец»: общественно-политическая деятельность и взгляды Сергея Николаевича Глинки [Текст] / Н. Н. Лупарева. – Воронеж: Новый взгляд, 2012. – 215 с.
23. Лупарева Н. Н. «Перо Глинки первое на Руси начало перестреливаться с неприятелем»: «Русский вестник» С. Н. Глинки накануне и в период Отечественной войны 1812 г. [Текст] / Н. Н. Лупарева // Христианское чтение. – 2018. – № 5 (82). – С. 175–185.
24. Медовкина Л. Ю. История возникновения информационных войн [Текст] / Л. Ю. Медовкина // European journal of law and political sciences. – 2016. – № 3. – С. 10–13.
25. Мезин С. А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I [Текст] / С. А. Мезин. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. – 232 с.
26. Мельникова Л. В. Антинаполеоновская пропаганда в России 1806–1814 гг.: формирование образа внешнего врага [Текст] / Л. В. Мельникова // Французский ежегодник 2013: «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. – М., 2013. – С. 162–178.
27. Митрофанов А. А. Русско-французские отношения в зеркале бонапартистской пропаганды (1800–1801 гг.) [Текст] / А. А. Митрофанов // Французский ежегодник

- 2006: Наполеон и его время. К 100-летию А. З. Манфреда (1906–1976). – М., 2006. – С. 130–145.
28. Орехов В.В. «Клеветникам России»: авторская позиция и литературная репутация [Текст] / В. В. Орехов // Ученые записки Крымского федерального университета. Филологические науки. – 2019. – Т. 5 (71). – № 3. – С. 69–88.
29. Орлов В. Н. Судьба литературного наследия Дениса Давыдова [Текст] / В. Н. Орлов // Литературное наследство. Т. 19–21. – М.: Наука, 1935. – С. 336–337.
30. Отрывки о внутренней промышленности и о сношении оной с нравственностью [Текст] / б. п. // Русский вестник. – 1811. – Ч. 13. – № 1. – С. 31–49.
31. Петр Первый в Париже [Текст] / б. п. // Русский вестник. – 1811. – Ч. 14. – № 5. – С. 1–11.
32. Попов Д. Г. «Информационная война» 1812 года [Текст] / Д. Г. Попов // Вестник Тувынского государственного университета. Серия: Социальные и гуманитарные науки. – 2015. – № 1. – С. 101–104.
33. Промыслов Н. В. Французская пропаганда о России накануне и во время войны 1812 года [Электронный ресурс] / Н. В. Промыслов // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2013. – Т. 4. – Выпуск 1 (17). – Режим доступа: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000003-2-5/> (дата обращения: 13.02.2021).
34. Промыслов Н. В. Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года [Текст] / Н. В. Промыслов. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 254 с.
35. Стендаль. Собр. соч.: В 15-ти т. [Текст] / Стендаль. – М.: Правда, 1959. – Т. 11. – 431 с.
36. Строганов М. В. Война 1812 года и опыт ее описания [Текст] / М. В. Строганов // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. – 2015. – № 2. – С. 6–14.
37. Тартаковский А. Г. Заметки о военной пропаганде 1812 г. [Текст] / А. Г. Тартаковский // Вопросы военной истории России: XVIII и первая половина XIX века. – М.: АН СССР, 1969. – С. 300–313.
38. Тарле Е. В. Сочинения: В 12-ти т. [Текст] / Е. В. Тарле. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т. 7. – 864 с.
39. Троицкий Н. А. Александр I и Наполеон [Текст] / Н. А. Троицкий. – М.: Высшая школа, 1994. – 304 с.
40. Ундалов А. М. О некоторых методах влияния наполеоновской пропаганды на общественное мнение [Текст] / А. М. Ундалов // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. – 2012. – № 4. – С. 64–69.
41. Хохлова Н. А. История дружбы: письма Д. В. Давыдова к П. Д. Киселеву [Текст] / Н. А. Хохлова // Реалии и легенды Отечественной войны 1812 года: Сб. научных статей. – СПб. – Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2012. – С. 359–438.
42. Храпунов Н. И. Крым в контексте франко-русских отношений эпохи Наполеона [Текст] / Н. И. Храпунов // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 21. – № 2. – С. 69–86.
43. Черных С. Н., Зуева Н. А. Информационная война: традиционные методы, новые тенденции [Текст] / С. Н. Черных, Н. А. Зуева // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2017. – Т. 6. – № 6А. – С. 191–199.
44. Шведова Н. Злых фурий светоч. Образ Наполеона в русской публицистике начала XIX в. [Текст] / Н. Шведова // Родина. – 2002. – № 8. – С. 10–12.

45. Ястребова Н. Г. Журнал С. Н. Глинки «Русский вестник» в общественно-политической и литературной жизни России начала XIX века [Текст] / Н. Г. Ястребова // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2012. – № 4. – С. 107–114.

References

1. Adadurov V. V. *Vojna Civilizacij: Sociokul'turnaja Istorija Russkogo Pohoda Napoleona. T. 1: Religija – Jazyk* [War of Civilizations: Socio-cultural History of Napoleon's Russian Campaign. T. 1: Religion – Language]. Kiev: Laurus Publ., 2017. 400 p.
2. Bezotosnyj V. M. *Rossija i Evropa v Jepohu 1812 goda. Strategija i Geopolitika* [Russia and Europe in the Era of 1812. Strategy and Geopolitics]. M.: Veche Publ., 2012. 272 p.
3. Volkonskij N. L. *Istorija Informacionnyh Vojn. Ch. 1* [History of Information Wars. Part 1]. St. Petersburg: Poligon Publ., 2003. 508 p.
4. Vjazemskij P. A. *Sergej Nikolaevich Glinka: [Nekrolog]* [Sergei Nikolaevich Glinka: Obituary]. St. Petersburg: Tipografija Imperatorskoj Akademii Nauk Publ., 1847. 23 p.
5. Vjazemskij P. A. *Stihotvorenija* [Poems]. Leningrad: Sovetskij pisatel' Publ., 1986. 544 p.
6. Vjazemskij P. A. *Jestetika i Literaturnaja Kritika* [Aesthetics and Literary Criticism]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1984. 458 p.
7. Glinka S. N. *Zapiski o 1812 Gode* [Notes about 1812]. St. Petersburg: Tipografija Imperatorskoj Rossijskoj Akademii Publ., 1836. 362 p.
8. Gnes' A. A. *Imagologija: Otdavaja Dolzhnoe Podsoznatel'nym Obrazam Cheloveka i Mira* [Imagology: Paying Tribute to the Subconscious Images of Man and the World]. *Idei i idealy*. 2019, vol. 11, no. 2, part 2. pp. 272–283.
9. Gubina M. V. «*Vojna Per'ev*» v 1812 Godu ["War of Pens" in 1812]. *Francuzskij ezhegodnik*. Moscow: 2013, pp. 194–200.
10. Davydov D. V. *Opyt Teorii Partizanskogo Dejstvija* [Experience of the Theory of Partisan Action]. Moscow: Tipografija S. Selivanovskago Publ., 1821. 217 p.
11. Davydov D. V. *Opyt Teorii Partizanskogo Dejstvija* [Experience of the Theory of Partisan Action]. Moscow: Tipografija S. Selivanovskago Publ., 1822. 210 p.
12. Davydov D. V. *Razbor treh Statej, Pomeshennyh v Zapiskah Napoleona* [Analysis of three Articles Placed in Napoleon's Notes]. Moscow: Tipografija S. Selivanovskago Publ., 1825. 65 p.
13. Davydov D. V. *Sochinenija: V 3-h tt. T. 3. Proza. Pis'ma* [Works: In 3 vols. Vol. 3. Prose. Letters]. St. Petersburg: E. Evdokimov Publ., 1893. 253 p.
14. Davydov D. V. *Sochinenija* [Works]. Moscow: Hudozhestvennaja Literatura Publ., 1962. 612 p.
15. Ermakova E. S. *Informacionnaja Vojna kak Atribut Informacionnogo Obshhestva: Aktivizacija Mediafunkcii Nasilija nad Soznaniem* [Information War as an Attribute of the Information Society: Activation of the Media Function of Violence against Consciousness]. *Sovremennaja Nauka: Aktual'nye Problemy Teorii i Praktiki. Serija: Gumanitarnye Nauki*, 2012, no. 2, pp. 62–70.
16. Zemcov V. N. *Rossija Glazami Napoleona* [Russia through the Eyes of Napoleon]. *Politicheskaja lingvistika*, 2016, no 4 (58), pp. 181–186.

17. Zemcov V. N. *Francuzy v Rossii v 1812 Godu* [The French in Russia in 1812]. *Voennistoricheskaja Antropologija. Ezhegodnik 2003/2004. Novye Nauchnye Napravlenija*. Moscow: Rossijskaja Politicheskaja Jenciklopedija Publ., 2005, pp. 154–164.
18. Kozlov V. P. *Tajny Fal'sifikacii. Analiz Poddelok Istoricheskikh Istochnikov XVIII–XIX Vekov* [Secrets of Falsification. Analysis of Forgeries of Historical Sources of the 18th–19th Centuries]. Moscow: Aspekt Press Publ., 1996. 270 p.
19. Koshelev V. A. «*Orly Dvenadcatogo Goda*»: *Realii i Mifologija* ["Eagles of the 1812": Realities and Mythology]. *Realii i Legendy Otechestvennoj Vojny 1812 Goda: Sbornik Nauchnyh Statej*. St. Petersburg – Tver: Izdatel'stvo Mariny Batasovoj Publ., 2012, pp. 29–45.
20. Koshhienko I. V. K Istorii Sozdanija «*Opyta Teorii Partizanskogo Dejstvija*» D. V. Davydova [On the History of the Creation of "Experience of the Theory of Partisan Action" by D. V. Davydov]. *Realii i Legendy Otechestvennoj Vojny 1812 Goda: Sbornik Nauchnyh Statej*. St. Petersburg – Tver: Izdatel'stvo Mariny Batasovoj Publ., 2012, pp. 460–506.
21. *K Chesti Rossii. Iz Chastnoj perepiski 1812 goda* [To the Honor of Russia. From a Private Correspondence in 1812]. Moscow: Sovremennik Publ., 1988. 239 p.
22. Lupareva N. N. «*Otechestvoljubez*»: *Obshhestvenno-Politicheskaja Dejatelnost' i Vzglyady Sergeja Nikolaevicha Glinki* ["Patriot": Social and Political Activities and Views of Sergei Nikolaevich Glinka]. Voronezh: Novyj Vzglyad Publ., 2012. 215 p.
23. Lupareva N. N. «*Pero Glinki Pervoe na Rusi Nachalo Perestrelivat'sja s Neprijatelem*»: «*Russkij Vestnik*» S. N. Glinki Nakanune i v Period Otechestvennoj Vojny 1812 g. ["Glinka's Pen was the First in Russia to Begin to Fire with the Enemy": "Russian Bulletin" S. N. Glinka on the Eve and During the Patriotic War of 1812]. *Hristianskoe Chtenie*, 2018, no. 5 (82), pp. 175–185.
24. Medovkina L. Ju. *Istorija Voznikovenija Informacionnyh Vojn* [History of Information Wars]. *European Journal of Law and Political Sciences*, 2016, no. 3, pp. 10–13.
25. Mezin S. A. *Vzglyad iz Evropy: Francuzskie Avtory XVIII Veka o Petre I* [View from Europe: French Authors of the 18th Century about Peter I]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta Publ., 2003. 232 p.
26. Mel'nikova L. V. *Antinapoleonovskaja Propaganda v Rossii 1806–1814 gg.: Formirovanie Obraza Vneshnego Vraga* [Anti-Napoleonic Propaganda in Russia 1806–1814: Forming the Image of an External Enemy]. *Francuzskij Ezhegodnik 2013: «Russkaja Kampanija» Napoleona: Sobytiya, Obrazy, Pamjat'*. Moscow, 2013, pp. 162–178.
27. Mitrofanov A. A. *Russko-Francuzskie Otnoshenija v Zerkale Bonapartistskoj Propagandy (1800–1801 gg.)* [Russian-French relations in the Mirror of Bonapartist Propaganda (1800–1801)]. *Francuzskij Ezhegodnik 2006: Napoleon i ego Vremja. K 100-letiju A. Z. Manfreda (1906–1976)*. Moscow, 2006, pp. 130–145.
28. Orehov V. V. «*Klevetnikam Rossii*»: *Avtorskaja Pozicija i Literaturnaja Reputacija* ["Slanderers of Russia": Author's Position and Literary Reputation]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta. Filologicheskie Nauki*, 2019, vol. T. 5 (71), no. 3, pp. 69–88.
29. Orlov V. N. *Sud'ba Literaturnogo Nasledstva Denisa Davydova* [The Fate of the Literary Heritage of Denis Davydov]. *Literaturnoe Nasledstvo. Vol. 19–21*. Moscow: Nauka Publ., 1935, pp. 336–337.

30. *Otryvki o Vnutrennej Promyshlennosti i o Snoshenii onoj s Nravstvennost'ju* [Excerpts about Domestic Industry and its Relationship with Morality]. *Russkij Vestnik*, 1811, part 13, no. 1, no. 31–49.
31. *Petr Pervyj v Parizhe* [Peter the Great in Paris]. *Russkij Vestnik*, 1811, part. 14, no. 5, pp. 1–11.
32. Popov D. G. «*Informacionnaja Vojna*» 1812 goda ["Information War" of 1812]. *Vestnik Tuvinskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Serija: Social'nye i Gumanitarnye Nauki*, 2015, no 1, pp. 101–104.
33. Promyslov N. V. *Francuzskaja Propaganda o Rossii nakanune i vo vremja Vojny 1812 Goda* [French Propaganda about Russia on the Eve and during the War of 1812]. *Jelektronnyj Nauchno-Obrazovatel'nyj Zhurnal «Istorija»*, 2013, vol. 4, no. 1(17). Available at: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000003-2-5/> (accessed: 13.02.2021).
34. Promyslov N. V. *Francuzskoe Obshhestvennoe Mnenie o Rossii Nakanune i vo vremja Vojny 1812 Goda* [French Public Opinion about Russia on the Eve and during the War of 1812] Moscow: Politicheskaja Jenciklopedija Publ., 2016. 254 p.
35. Stendal'. *Sobranie Sochinenij: V 15-ti t.* [Collected Works: In 15 Vols]. Moscow: Pravda Publ., 1959, vol. 11. 431 p.
36. Stroganov M. V. *Vojna 1812 Goda i Opyt ee Opisanija* [The War of 1812 and the Experience of its Description]. *Vestnik Literaturnogo Instituta Imeni A. M. Gor'kogo*, 2015, no. 2, pp. 6–14.
37. Tartakovskij A. G. *Zametki o VoЕННОj Propagande 1812 g.* [Notes on the Military Propaganda of 1812]. *Voprosy VoЕННОj Istorii Rossii: XVIII i Pervaja Polovina XIX Veka*. Moscow: AN SSSR Publ., 1969. pp. 300–313.
38. Tarle E. V. *Sochinenija: V 12-ti t.* [Works: In 12 Vols]. Moscow: AN SSSR Publ., 1959, vol. 7. 864 p.
39. Troickij N. A. *Aleksandr I i Napoleon* [Alexander I and Napoleon]. Moscow: Vysshaja Shkola Publ., 1994. 304 p.
40. Undalov A. M. *O Nekotoryh Metodah Vlijanija Napoleonovskoj Propagandy na Obshhestvennoe Mnenie* [About some Methods of Influence of Napoleonic Propaganda on Public Opinion]. *Vestnik NGTU im. R. E. Alekseeva. Serija: Upravlenie v Social'nyh Sistemah. Kommunikativnye Tehnologii*, 2012, no. № 4, pp. 64–69.
41. Hohlova N. A. *Istorija Druzhy: Pis'ma D. V. Davydova k P. D. Kiselevu* [History of Friendship: Letters from D. V. Davydov to P. D. Kiselev]. *Realii i Legendy Otechestvennoj Vojny 1812 Goda: Sbornik Nauchnyh Statej*. St. Petersburg – Tver: Izdatel'stvo Mariny Batasovoj Publ., 2012, pp. 359–438.
42. Hrapunov N. I. *Krym v Kontekste Franko-Russkikh Otnoshenij Jepohi Napoleona* [Crimea in the Context of Franco-Russian Relations of the Napoleonic Era]. *Izvestija UrFU. Serija 2. Gumanitarnye Nauki*, 2019, vol. 21, no. 2, pp. 69–86.
43. Chernyh S. N. & Zueva N. A. *Informacionnaja Vojna: Tradicionnye Metody, Novye Tendencii* [Information War: Traditional Methods, New Trends]. *Kontekst i Refleksija: Filosofija o Mire i Cheloveke*, 2017, vol. 6, no. 6A, pp. 191–199.
44. Shvedova N. *Zlyh Furij Svetoch. Obraz Napoleona v Russkoj Publicistike Nachala XIX v.* [Evil Furies of the Light. The Image of Napoleon in Russian Journalism of the early 19th Century]. *Rodina*, 2002, no. 8, pp. 10–12.

45. Jastrebova N. G. *Zhurnal S. N. Glinki «Russkij Vestnik» v Obshhestvenno-Politicheskoj i Literaturnoj Zhizni Rossii Nachala XIX Veka* [Glinka's Journal "Russian Bulletin" in the Socio-Political and Literary Life of Russia at the Beginning of the 19th Century]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Serija 10. Zhurnalistika*, 2012, no. 4, pp. 107–114.

**“PARTISAN TACTICS” OF INFORMATION WAR.
PART I: S. N. GLINKA, D. V. DAVYDOV**

Orekhov V. V.

Summary. The article examines the role of the publisher of the journal "Russian Bulletin" S. N. Glinka and the legendary poet and partisan D. V. Davydov in the information war that unfolded between Russia and France during the Napoleonic era. This information war broke out with renewed vigor after the French Revolution of 1830 and the Polish uprising of 1830–1831. S. N. Glinka and D. V. Davydov did not serve in official propaganda bodies and independently made decisions on the direction and tactics of their literary activities. They independently chose the techniques and methods of protecting the national image. The creative techniques of these writers were largely consistent with the historical logic that determined the tactics of partisan struggle during the Patriotic War of 1812. Analysis of the creative searches of S.N. Glinka and D.V. Davydov suggests that participation in the information war of a patriotically motivated creative personality, which does not obey the official propaganda structures, provides a number of advantages: greater reader's confidence in information, a wider horizon of creative innovations and, as a result, a more original set of methods of influencing one's own and others' audience.

Keywords: imagagology, information war, 1812, S. N. Glinka, D. V. Davydov.